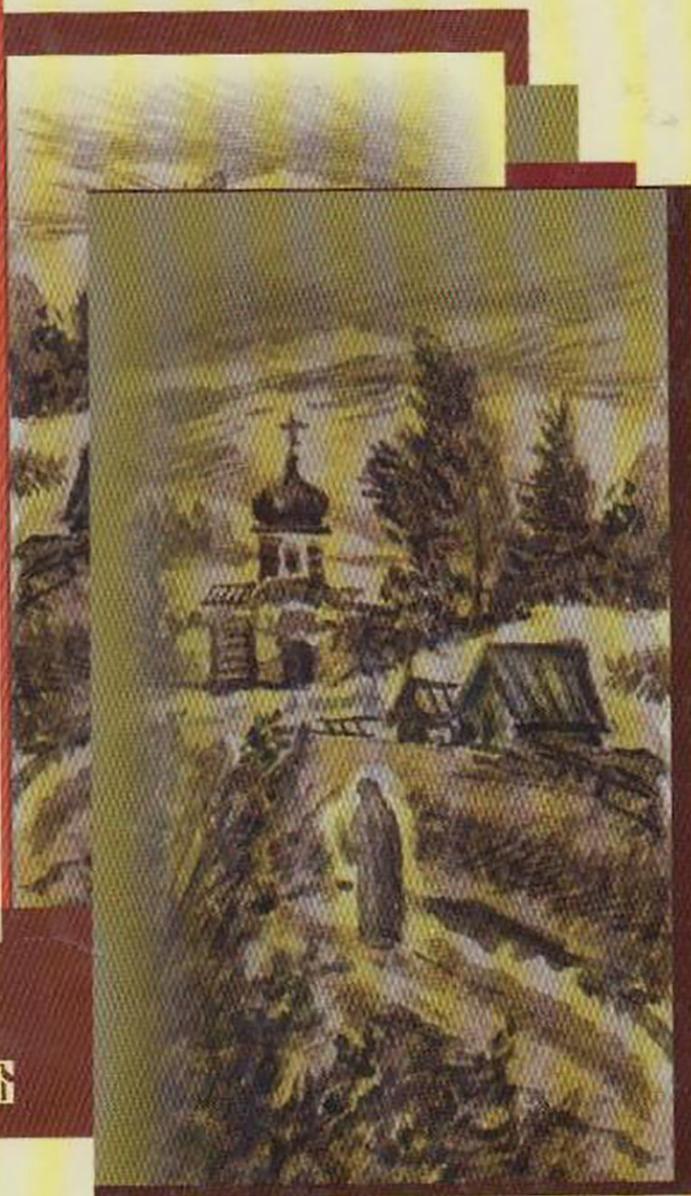
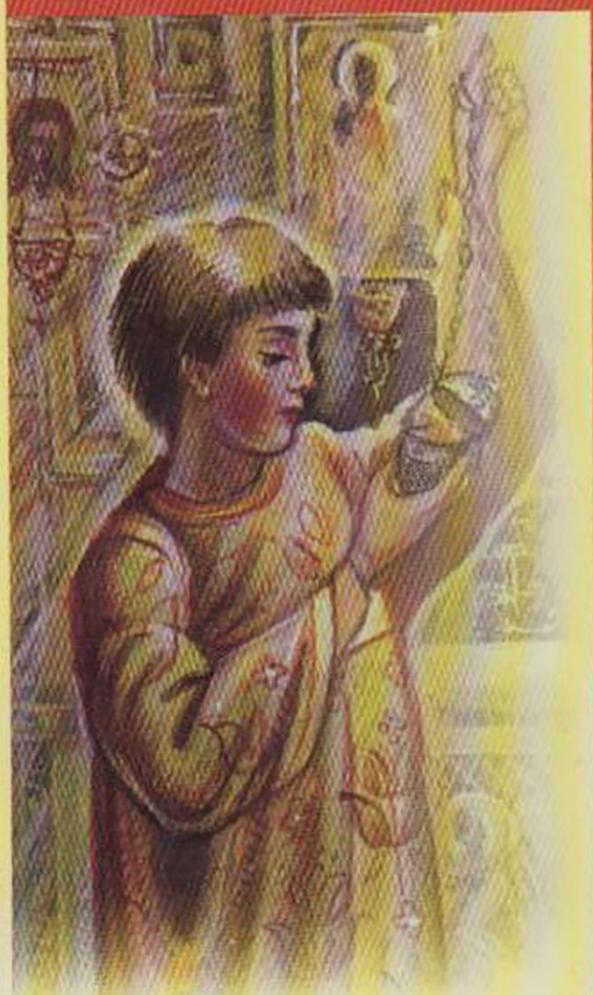

В.А. Чикифоров-Волгин

Воспоминания детства

САМСЬ

Василий Никифоров-Волгин

Воспоминания детства

Православное издательство "Сатись"

Никифоров-Волгин В. А.

Воспоминания детства / В. А. Никифоров-Волгин —
Православное издательство "Сатись",

ISBN 5-7373-0196-6

По благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА «И только храм остался для нас единственным уголком Святой Руси, где чувствуешь себя пригретым и обласканным». Святая Русь: ее люди, ее церквушки, бескрайние поля, вековые леса; радость праздников, запах ладана, пасхальных куличей... Радость и грусть – жива ли Святая Русь? Та, которую помнит душа и которой взыскует душа. На этот вопрос отвечают герои В. Никифорова-Волгина, отвечают тихой любовью и глубокой верой. Книга «Воспоминания детства» предназначена для семейного чтения. Данное издание подготовлено в год, когда исполняется 105 лет со дня рождения и 55 лет со дня кончины писателя.

ISBN 5-7373-0196-6

© Никифоров-Волгин В. А.
© Православное издательство "Сатись"

Содержание

Забытый писатель	6
Воспоминания детства	13
Крещение	15
Кануны Великого Поста	18
«Торжество Православия»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Е. Никифоров-Волгин **Воспоминания детства**

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2006

*В нем морского —
Мороза хруст, что хрупок, как миндаль
В весенний сад, что от дождя заплакан,
Выходит прогуляться старьей диакон
И вместе с ним о горестном всплакнуть;
Такой понятный автору и близкий...*

И. Северянин. 1936 г.

Забывтый писатель

В. А. Никифоров-Волгин

Одним из незаслуженно забытых у нас русских литераторов был В. Никифоров-Волгин, писатель со своим лицом, со своим стилем, со своими темами. Он успел выпустить при жизни только два сборника рассказов и миниатюр: «Земля-именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938). В 1960 и 1971 годах в США обе эти книги были переизданы, в последние годы в России вышло несколько сборников рассказов и повестей В. Никифорова-Волгина.

Василий Акимович (Иоакимович) Никифоров родился 24 декабря 1900 г. (6 января 1901 г. по новому стилю) в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии на Волге в семье сапожника из крестьян. Вскоре после рождения Васи семья Никифоровых переехала в Нарву, в город, где около половины населения составляли русские. Семья была большой – у Васи было четыре сестры и два брата – и жилось ей трудно. Прокормить семью помогала мать-прачка. Жили в одной комнатке, в холодном и сыром мансардном помещении, часто голодали. Как вспоминал друг В. Никифорова, автор неопубликованных воспоминаний «Глазами журналиста и актера», С. Рацевич, Васю с детства отличала неумемная страсть к знаниям, ненасытная любовь к книгам. Будущий писатель смог закончить только церковно-приходскую школу при Свято-Владимирском братстве (правда, это была хорошая школа), выдержал экстерном экзамен в седьмой класс Нарвской русской эмигрантской гимназии, но продолжить образование в гимназии не смог – не было средств. Оставался один путь – работать и учиться самостоятельно, и юноша серьезно занялся самообразованием. «Не раз пьяный отец шпандырем избивал сына, когда заставлял его по ночам сидящим за книгою. Вася увлекался логикой, философией, историей, но превыше всего любил русскую литературу. Его любимыми писателями были Лесков, Достоевский, Чехов. Знал он их отлично, на память цитировал отрывки произведений», – вспоминал С. Рацевич. Из поэтов же его любимцем был Есенин. Юноша рано начал писать, хотя и не любил рассказывать об этом окружающим.

Для интеллектуального развития юноши тогдашняя Нарва все же предоставляла неплохие возможности. Старинная Нарва с изумительными и донныне сохранившимися древними крепостями, с уникальным архитектурным ансамблем в стиле барокко XVII века, уничтоженным последней войной, была немаловажным культурным центром Эстонии, причем не только центром эстонской, но и русской культуры. Здесь было два театра – русский и эстонский, несколько гимназий, музыкальное и художественное училища, балетная студия, русский народный университет, много обществ – русских, эстонских, немецких, два великолепных музея, которые сделали бы честь и городу, несравнимо большему, чем Нарва, – Лаврецовский и Дом Петра I; здесь издавались книги, газеты и даже журналы. После революции в

Нарве оказалось много эмигрантов из числа интеллигенции, живших тоже очень бедно, но все же не дававших Нарве опуститься до уровня провинциального захолустья, хотя требовательный В. Никифоров-Волгин позже и жаловался на это. Среди них были актеры, композиторы, музыканты, художники, литераторы.

В 1920 г. американец Райт создал в Нарве отделение Христианского Союза молодых людей, при котором возник литературный кружок. После отъезда Райта группа нарвской молодежи, в которую входил и В. Никифоров, организует Союз русской молодежи, устраивавший литературно-музыкальные вечера, концерты, дававший спектакли. Он просуществовал, правда, недолго, но был первой самостоятельной попыткой нарвской русской молодежи объединиться.

В. Никифоров, с детства хорошо знавший православное богослужение (его семья была очень религиозной) и обладавший высоким голосом с отчетливой выразительной дикцией,

устроился псаломщиком в нарвский Спасо-Преображенский собор. Псаломщиком он оставался до весны 1932 г. Отсюда и идет то прекрасное знание церковной жизни, быта духовенства, которое мы видим в его произведениях. По воспоминаниям С. Рацевича, В. Никифоров любил еще до начала богослужения забираться с блокнотом и карандашом в укромный уголок церковной сторожки, слушать и записывать, о чем говорили между собой богомолки и случайно заходившие сюда погреться и заодно посплетничать люди. Острые словечки, чисто народные обороты речи позже оказывались в его рассказах и фельетонах.

Свои публикации он, как правило, подписывает псевдонимом Василий Волгин – в память о великой русской реке, на которой прошли первые годы его жизни. Этим псевдонимом он как бы подчеркивал свою глубинную связь с оставленной родиной. Со временем он стал чаще подписываться В. Никифоров-Волгин, объединив свою фамилию с псевдонимом.

В 1927 г. приходит и первое признание: на конкурсе молодых авторов, проведенном старейшим русским литературным объединением в Эстонии – Литературным кружком в Таллине, первая премия была присуждена рассказу В. Никифорова-Волгина «Земной поклон».

В октябре того же 1927 года, при непосредственном участии В. Никифорова-Волгина, в Нарве возникает русское спортивно-просветительное общество «Святогор», которое вскоре стало центром всей культурной работы русских в городе. При «Святогоре» создаются спортивный, драматический, литературный и шахматный кружки. В. Никифоров-Волгин активно участвует в работе литературного кружка, а в 1930–1932 гг. и возглавляет его. Кружок объединил почти всех русских литераторов и любителей словесности Нарвы. На заседаниях кружка читались и обсуждались литературные произведения, заслушивались доклады на литературные темы, устраивались «вечера личного творчества», на которых выступали с чтением своих произведений местные авторы, время от времени выпускалась так называемая «живая газета». Кружок регулярно устраивал «четверги» с разнообразной программой, рассчитанной на более широкую публику. В. Никифоров-Волгин был душой всех этих мероприятий. Под редакцией В. Никифорова-Волгина, Ф. Лебедева и С. Рацевича в декабре 1928 г. выходит «литературно-общественная газета» общества «Святогор» «Всходы». Для детских представлений «Святогора» В. Никифоров-Волгин пишет инсценировку русской народной сказки «Ваня и Маша», а для драматического кружка – пьесу «Безумие Измайлова». В пьесе рассказывалось о трагической судьбе русского офицера, оказавшегося в эмиграции без семьи, без средств к существованию и кончающего жизнь в сумасшедшем доме. Пьеса, к сожалению, осталась неопубликованной.

В январе 1929 г. при обществе «Святогор» создается религиозно-философский кружок, несколько позже положивший начало местной организации Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). В. Никифоров-Волгин, живо интересовавшийся новейшими течениями в русской зарубежной философской мысли и увлекавшийся трудами Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина, принимал участие в деятельности РСХД. Он участвовал в 1929–1930 гг. в съездах РСХД Прибалтики, проходивших в Печерском и Пюхтицком монастырях.

В 1930 г. под редакцией В. Никифорова-Волгина и другого местного литератора Л. Акса в Нарве выходил журнал «Полевые цветы». Он был органом русской литературной молодежи в Эстонии в конце 1920-х – первой половине 1930 гг. В. Никифоров-Волгин принимает участие почти во всех русских журналах и сборниках, выходящих в свет в Эстонии («Новь», «Панорама», «Старое и новое»), а также эпизодически в ряде зарубежных изданий.

На хлеб В. Никифоров-Волгин зарабатывает сотрудничеством в газетах – вначале в «Старом нарвском листке», позже в таллиннских «Вестях дня» (с 1933 г. он даже числился собственным корреспондентом газеты в Нарве) и «Русском вестнике», в рижском журнале «Для Вас». В этих изданиях он, помимо корреспонденций, печатал очерки и популярные статьи из истории Нарвы. С начала 1930-х гг. В. Никифоров-Волгин занялся разысканиями в нарвских архивохранилищах, прежде всего, в Нарвском городском архиве. На их основе он подготовил

ряд газетных публикаций, т. к. ему удалось найти в архивах ряд интереснейших документов, имеющих отношение к истории и культуре России.

Впрочем, газеты платили в ту пору мало, и жил писатель в бедности. В одной заметке в газете «Вести дня» (1933, 15 апр., (89)), сообщалось: «В тихой Нарве, на мансарде прогнившего дома, в вечных тисках нужды живет В. А. Никифоров-Волгин». По воспоминаниям родственников, писать ему приходилось дома в присутствии шумевших братьев и сестер.

Между тем, к середине 1930-х гг. В. Никифоров-Волгин был уже довольно известным писателем. Он находился в переписке со многими видными русскими литераторами из эмигрантов – с И. Шмелевым, Б. Зайцевым, А. Амфитеатовым, С. Минцловым, С. Горным (А. Оцупом) и др. В 1935 г. на литературном конкурсе популярного парижского журнала «Иллюстрированная Россия» В. Никифоров-Волгин получил премию за рассказ «Архиерей», который был опубликован на страницах этого издания. В том же году известный русский критик П. Пильский публикует в солидной, имевшей широкое распространение рижской газете «Сегодня» (1935, 15 окт., (285)) статью о В. Никифорове-Волгине, в которой высоко отзывается о его творчестве. П. Пильский привлекает В. Никифорова-Волгина к сотрудничеству в газете, и в последние годы жизни писателя именно «Сегодня» становится основным местом публикации его произведений. В 1935 же году один его рассказ впервые появляется в эстонском переводе.

12 марта 1936 г. Игорь Северянин посвящает писателю сонет:

В. Никифоров-Волгин

Ему мила мерцающая даль
Эпохи Пушкина и дней Лескова,
Он чувствует Шмелева мастерского
И сроден духу родниковый Даль.
Деревню ль созерцает, города ль,
В нем нет невыносимо городского;
Он всюду сын природы. В нем морского
Мороза хруст, что хрупок, как миндаль.
В весенний сад, что от дождя заплакан,
Выходит прогуляться старый диакон
И вместе с ним о горестном всплакнуть,
Такой понятный автору и близкий...

В. Никифоров-Волгин чувствует бесперспективность своего дальнейшего пребывания в Нарве и в самом конце 1935 или в первых числах 1936 г. переезжает в Таллинн. В Таллинне он становится домашним учителем и воспитателем внука генерала-эмигранта Ю. Штубендорфа, очень интеллигентного человека; лишь благодаря его финансовой поддержке смогла выйти в свет первая книга В. Никифорова-Волгина, которую он и посвятил Ю. А. Штубендорфу. В Таллинне писатель принимает участие в деятельности местного русского спортивного и культурно-просветительного общества «Витязь», избирается почетным членом Литературного отдела общества, сотрудничает в издаваемых обществах сборниках под тем же названием «Витязь».

В мае 1937 г. наконец-то выходит в свет первый сборник рассказов В. Никифорова-Волгина «Земля-именинница», встреченный положительными рецензиями в ряде зарубежных русских органов печати. Сохранились сведения, что умиравший в Италии А. В. Амфитеатов просил перед смертью почитать ему рассказы из «Земли-именинницы». Осенью 1938 г. в том

же издательстве «Русская книга» в Таллинне печатается второй сборник В. Никифорова-Волгина – «Дорожный посох». В 1939 г. готовился к печати третий сборник – «Древний город. (Жизнь и нравы русской провинции после революции)», который, видимо, должен был быть посвящен Нарве 1920–1930 гг. Сборник планировалось выпустить в 1940 г., но этому помешали, по всей вероятности, события лета 1940 г. К этому времени сборник «Земля-именинница» уже был распродан и встал вопрос о его переиздании.

Установление советской власти в Эстонии 1940 г. губительно сказалось на русской культурной и литературной жизни в республике: были закрыты все русские общества, газеты, многие писатели и деятели культуры репрессированы. 15 мая 1941 г. состоялась свадьба В. Никифорова-Волгина и Марии Георгиевны Благочиновой, с которой он познакомился в доме Штубендорфов, а 24 мая писатель, работавший в это время ночным сторожем на судоремонтном заводе, был арестован органами НКВД. По воспоминаниям современников, он предчувствовал свой арест, ждал его. С началом войны В. Никифоров-Волгин был этапирован в город Киров, где в августе 1941 г. приговорен к расстрелу по 58-й статье – за «принадлежность к различным белогвардейским монархическим организациям», «издание книг, брошюр и пьес клеветнического антисоветского содержания». Приговор был приведен в исполнение в городе Кирове 14 декабря 1941 г. Официально реабилитирован В. Никифоров-Волгин был лишь в 1991 году...

По воспоминаниям хорошо знавших его людей, В. Никифоров-Волгин был удивительно добрым, сердечным, отзывчивым человеком, который почти ни с кем не ссорился, старался никогда никого не обидеть. Сестры рассказывали автору этих строк, как однажды в жестокий мороз Василий отдал на улице нищему свою шапку и зимнее пальто, а в оправдание дома говорил: «Жаль человека – он мерз, а я уж как-нибудь проживу».

Но, главное, В. Никифоров-Волгин был глубоко верующим человеком, и это прежде всего определяет его мировосприятие. По искреннему убеждению писателя, основой всей нашей морали может быть только религия, вера в Бога. На ней держится мораль, без нее люди превращаются в зверей. Только на вере, на христианском учении могут базироваться все теории и программы преобразования человеческого общества и личности индивида.

Отсюда важность Церкви и духовенства – носителей веры. Правда, современная Церковь и современное духовенство далеко не всегда удовлетворяли В. Никифорова-Волгина. В его статьях нередко суровая критика современного христианства вообще и Православия в частности. «Вся наша вера ушла в форму, в бездушное исполнение обрядов», и в то же время истинная, глубинная сущность христианства утеряна. Однако в художественных произведениях В.

Никифорова-Волгина критика духовенства и Церкви редка и, как правило, очень мягка. В повести «Дорожный посох», в рассказах и лирических миниатюрах В. Никифорова-Волгина Церковь и ее представители выступают в первую очередь как носители веры, защитники высоких этических принципов. Это страдальцы, мученики за веру, люди подлинных идеалов. Это те, кто не дают нам превратиться в зверей.

Революция же для В. Никифорова-Волгина – страшная, злая и всеразрушающая сила, жестоко и беспощадно сметающая старый мир, традиционную мораль, веру, даже первозданную русскую природу (рассказ «Старый лес»). Но, главное, революция и коммунизм – это разрушение личности, разрушение души человека, потому что душа – основа личности – держится на вере в Бога.

Спасение, как кажется В. Никифорову-Волгину, – в возврате к вере, к Богу, к религии. Главное – в «революции нашего духа», в нравственном совершенствовании, в преображении нашей русской души, в которой так много скверны. Все мы виноваты, и все нам надо покаяться. В. Никифоров-Волгин в своих статьях часто пытается пробудить угасшую совесть читателей, напоминая им об их нравственном долге.

По своим убеждениям В. Никифоров-Волгин был консерватором. Его любовь – это «лапотная, странная, богомольная» Русь, Русь «богатырская, кондовая», неразрывно связанная с Православной Церковью, с Царем (писатель был монархистом), с древними русскими национальными традициями, обрядами, обычаями. Она гибнет, уничтожаемая революцией, и В. Никифоров-Волгин горестно оплакивает ее гибель. Его надежды только на то, что все-таки большевикам не удалось уничтожить всю старую Русь, остатки ее сохранились, выжили. Писатель не верит ни в русскую интеллигенцию, ни в рабочую «массу», ни в привилегированные сословия императорской России – по его мнению, именно они и привели страну к революции своими безрассудными действиями, хотя исходили при этом из разных установок. Только остатки старой «кондовой» Руси, к которым относится и большинство духовенства, и верующая, не забывшая заветы дедов часть крестьянства, могут еще спасти Россию: «Тот народ спасет Россию, который глубоко сохранил в своем сердце образ тихого, ласкового и печального Бога-Христа!.. Эта Русь, этот народ-печальник, народ-богоносец спасет всех нас. Ни Троцкий, ни Луначарский, ни Горький, ни Маркс, ни иностранцы, ни Милюковы, ни социалисты и монархисты спасут Россию, а „глупая“, „наивная“ вера „выживших из ума“ стариков».

Однако, хотя В. Никифорову-Волгину ближе всего патриархальное крестьянство, в известном противоречии с этим он выступает за «личность», «индивида» – против «толпы». Революция, советский порядок, коммунистическая идеология уничтожают личность, индивидуальную свободу человека. Происходит насильственное «выравнивание людей», нивелировка их, всех людей хотят объединить в «разъяренную толпу».

Консерватизм приводил В. Никифорова-Волгина не только к отрицанию революции, большевизма, но и к отрицанию современной ему западной цивилизации с модой, сенсациями, конкурсами красоты, биржевиками, выборами, жадной наживы.

Современный мир сверхполитизирован, политика в нем вытеснила мораль, нравственность, этику. В. Никифоров-Волгин, как, между прочим, и Игорь Северянин тех лет, глубоко презирает, даже ненавидит политику, причем всякую политику – и правых, и левых. Сам он, хотя и был членом Русского национального союза и монархического «Братства Русской Правды», никогда не принимал активного участия в политической жизни русских в Эстонии и вообще чуждался ее.

В. Никифоров-Волгин не был ни левым, «прогрессистом», ни мракобесом-черносотенцем, консерватизм и даже монархизм у него причудливым образом сочетались с демократизмом. Симпатии В. Никифорова-Волгина неизменно на стороне простых, скромных, тихих людей труда. Батюшку-царя писатель постоянно отделяет от придворных, чиновников, дворян, которые думали только о своих выгодах, пренебрегали интересами родины и более всего способствовали революции.

Точно так же В. Никифоров-Волгин резко критикует черносотенцев. Он с сочувствием цитирует И. Ильина: «Для того, чтобы одолеть революцию и возродить Россию, необходимо очистить души – во-первых, от революционности, а во-вторых, от черносотенства... Россия созидалась и крепла тихими Сергиями, утешными Серафимами, кроткими Алешами Карамзовыми и подобными им».

Консерватору В. Никифорову-Волгину был свойственен и искренний патриотизм, вера в русский народ, хотя это не мешало ему сурово и нелицеприятно критиковать свою нацию, которая не ценит собственных национальных традиций, часто оплевывает своих же героев-праведников. В. Никифоров-Волгин писал: «Нашим кумиром должна быть Россия, национальное единство, чистый, не искаженный „заграницей“ язык Аксакова, Толстого, Тургенева, своя песня, свои обычаи и своя культура. Мы мечтали о всемирном братстве, но совершенно забыли, что сперва надо создать великое русское братство... У нас свое историческое развитие, быть может, покрепче и посущественнее, чем отвлеченные принципы Запада». Писатель считал, что Россия не должна идти по пути Запада, где господствует формализм, рационализм, бездушие.

У русского народа много недостатков, но в нем сохранилась теплота личного чувства. Это доброе начало у русских В. Никифоров-Волгин опять же связывает с Православием.

Мы сознательно отвлекаемся от вопроса, в какой мере оригинальны все эти суждения В. Никифорова-Волгина, как его мировосприятие соотносится со взглядами, например, русских христианских мыслителей 1920-1930-х гг. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Нам хотелось пока что обратить внимание на наиболее существенные стороны мировоззрения В. Никифорова-Волгина 1920-1930-х гг., которые наложили отпечаток на все его творчество.

Лучшая часть творческого наследия В. Никифорова-Волгина не отличается ни тематической широтой, ни подчеркнутой «проблемностью», ни стилевым и жанровым многообразием. Он как бы сосредоточился на немногих темах – это прежде всего судьба Православной Церкви, жизнь духовенства в прежней и в советской России, мир верующих, связанный со старой Русью. Даже когда В. Никифоров-Волгин обращается к своему детству – а рассказы-воспоминания о детстве составляют значительную часть его творчества, – он чаще всего рисует картины богослужений, церковных праздников, общения мальчика со «святыми людьми». Кстати, В. Никифорову-Волгину, как немногим другим русским писателям, удалось передать религиозное чувство ребенка, тот дух христианского просветления, внутреннего очищения, радости от праздника, который ощущает маленький герой.

Он хорошо знал этот мир – мир Церкви, верующих, мир старой Руси. Этот мир был знаком ему не только по детским воспоминаниям, он окружал писателя и в Нарве: рядом было Принаровье – район с «исконным» русским населением, с русскими деревнями и крестьянами, с православными церквями, а в Причудье – и со староверами, недалеко – Пюхтицкий и Печерский монастыри. Действие ряда рассказов В. Никифорова-Волгина происходит именно в этих местах. Нарва была расположена всего лишь в 7–8 километрах от эстонско-советской границы, и тесные связи с Россией тут никогда не прерывались. В этом отношении В. Никифоров-Волгин находился в ином, несравненно лучшем положении, чем, например, писатели-парижане: их творчество питали лишь воспоминания о прошлом, живой связи с «корневой» русской средой у них не было. Неслучайно их так тянуло в Эстонию и Латвию.

Мир Церкви и верующих В. Никифоров-Волгин изображает точно, достоверно, с любовью. Он умеет в своих произведениях воссоздать все мелочи этого мира, в том числе и бытовые, и вместе с тем передать его особую атмосферу, его дух, его скрытую красоту. Заметим, кстати, что эти этнографически точные описания церковной жизни в рассказах В. Никифорова-Волгина, помимо художественной, эстетической ценности, имеют еще и немаловажное познавательное значение – они знакомят нас с уже забытыми обрядами, с народными обычаями, связанными с церковными праздниками и т. д.

В этом пристрастии В. Никифорова-Волгина к миру Церкви и верующих, конечно, отразились биография писателя, характерные черты его личности, его мировосприятие. Но дело все же не только в этом.

Классическая русская литература не богата изображением религиозных чувств верующего, церковной службы, жизни духовенства – все это казалось слишком привычным, устоявшимся, не очень интересным. Русская демократическая интеллигенция вообще привыкла смотреть на Церковь как на нечто ретроградно-устарелое, официальное и была весьма равнодушна к обрядовой стороне религии. Начавшееся в самом конце XIX – начале XX в. религиозное возрождение, больше охватившее сферу философскую, тоже почти не коснулось этой собственно церковной стороны Православия.

Положение коренным образом меняется в послереволюционный период в эмиграции. Начинается возврат к религии, к Церкви, причем именно к Церкви Православной, «традиционной», возрастает интерес к обрядовой ее стороне. Все это теперь воспринимается как часть

национальной культурной, духовной традиции, как воплощение «русскости» – это связь с Россией, с родной историей.

Усиление религиозных настроений в эмигрантской среде имело и социально-психологические корни: это была как бы реакция на ужасы пережитого, на все беды, выпавшие на долю людей в годы революции и гражданской войны, это было чуть ли не единственным проблеском надежды. «И только храм остался для нас единственным уголком святой Руси, где чувствуешь себя пригретым и обласканным», – писал В. Никифоров-Волгин в статье «Вера народа».

Но, тем не менее, этот мир Церкви и верующих не так уж часто изображался и в зарубежной русской литературе. Он представлен в творчестве Б. Зайцева и И. Шмелева, писателей, которых В. Никифоров-Волгин хорошо знал и любил и с которыми его нередко сравнивали в критике, но все же он их не повторял. В. Никифоров-Волгин – может быть, единственный из зарубежных русских писателей, который целиком сосредоточился на этой теме. П. Пильский справедливо писал, что все творчество В. Никифорова-Волгина – «это искренняя исповедь писателя, отражение и отзвук исканий Бога, чистая, горячая мечта по некоему невидимому граду благодати и успокоения. Никифоров знает и ценит лучших представителей православного духовенства, понимает, что последние годы наложили на их плечи непомерную тяжесть, огромное горе, ливни жалоб и слез». Ему вторил А. Амфитеатров в своем отзыве о «Землеименинице»: «Весь интерес писателя обращен на духовную нужду народа, ограбленного в вере своей, и, в частности, на переживания антихристового пришествия верно устоявшею во Христе частью православного мира и его духовенства. Рассказы Никифорова-Волгина похожи на „духовные стихи“ слепых старцев: рапсодии о людях, как будто маленьких, но своею могучею верою подъемлемых над сметенным и отчаянным человечеством выше всех великих и сильных».

В. Никифорову-Волгину ближе всего «святые люди», праведники – неслучайно его называли «современным Лесковым». Их он обычно изображает в своих произведениях. Его любимые герои – это отец Афанасий из повести «Дорожный посох», старый сельский священник, мужественно несущий свой крест в сверхтяжелые времена преследований верующих, это епископ Палладий, тяжело переживающий гибель Церкви («Архиерей»), это странник Савватий, умирающий в старой полуразвалившейся часовенке («Странник»). В лучших героях В.

Никифорова-Волгина, хоть и живущих в нашем грешном мире, сильна тяга к вечному, интерес к экзистенциальным проблемам бытия человеческого, причем к этим проблемам они подходят не с точки зрения философской, а с точки зрения простого человека, которого все же волнует, что же будет с ним после смерти, волнует вопрос о том, как ему жить, вопрос о смысле жизни.

В. Никифоров-Волгин изображает и их антагонистов – грешные души, но и они чаще всего испытывают угрызения совести, мучительно переживают свои грязные поступки, свои, порою, страшные преступления, каются, жаждут очищения. Вообще писателю более удаются образы положительных, нежели отрицательных персонажей.

Важная для В. Никифорова-Волгина тема, почти не разработанная в русской литературе, – тема преследования религии, верующих в Советской России, гибель Церкви в Стране Советов. Она исполнена у писателя глубокого трагизма, у него нередко апокалипсические видения и настроения. Но, тем не менее, как истинный христианин, он не теряет веры в возможное духовное возрождение человека, в духовное обновление Руси.

С. Г. Исаков

Воспоминания детства

Крещение

В Крещенский Сочельник я подрался с Гришкой. Со слов дедушки я стал рассказывать ему, что сегодня в полночь сойдет с неба Ангел и освятит на реке воду, и она запоет: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи». Гришка не поверил и обозвал меня «баснописцем». Этого прозвища я не вытерпел и толкнул Гришку в сугроб, а он дал мне по затылку и обсыпал снегом.

– О чем кувывкаешь?

– Гри-и-шка не верит, что вода петъ бу-у-дет сегодня ночью!

Из моих слов ничего не поняли.

– Нагрешник ты, нагрешник, – сказали с упреком, – даже в Христов Сочельник не обой-тись тебе без драки!

– Да я же ведь за дело Божье вступился, – оправдывался я.

Сегодня Великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками прошлогодней святой воды и вылила ее в печь, в пепел, ибо грех выливать ее на места попираемые. Отец спросил меня:

– Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это, как бы огнем вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и зарево над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

– Вот ежели и завтра Господь пошлет снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон исходил особенный снежный свет – точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посредине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водосвятная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь: «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой»...

Читали тринадцать паремий. И во всех их струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осененные молниями, одиноко стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо, и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах» вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

– Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздается, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя... Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды... Тебе слушает свет...»

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе Господи, тройческое явися поклонение», и всех окропляли освященной водою.

От ледяных капель, упавших на мое лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненадранное счастье, и все будет по-хорошему, как в день Ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пяточком и пряником впридачу. Литургия закончилась посреди храма перед возжженным светильником, и священник сказал народу:

– Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Во- да звенела, вспоминалась весна.

Так же как и на Рождество, в доме держали «дозвездный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу – навечерницу. Печеную картошку ели с солью, кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, медом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному бдению. Началось оно по-рождественскому – Великим повечерием. Пели песню: «Всяческая днесь да возрадуется Христу явльшуся во Иордан» и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углем начертание креста на дверях, притолоках, оконных рамах – в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладким и многоводным, а девушки «величают звезды». Выходят они из избы на двор. Самая старшая из них несет пирог, якобы в дар звездам, и скороговоркой, нараспев выговаривают:

– Ай, звезды, звезды, звездочки! Все вы звезды одной матушки, белорумяны и дородливы. Засылайте сватей по миру крещеному, сряжайте свадебку для мира крещеного, для пира гостиного, для красной девицы родимой.

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоет полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в березах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном «численнике» покажется красная цифра 6, и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово: «Богоявление». Завтра пойдем на Иордань!

Кануны Великого Поста

Вся в метели прошла преподобная Евфимия Великая – государыня-масленица будет метельной! Прошел апостол Тимофей-полузимник; за ним три вселенских святителя; Св. Никита, епископ новгородский – избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня – были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна Пророчица.

Снег продолжает заметать окна до самого наворачия, морозы стоят словно медные, по ночам метель воеет, но на душе любо – прошла половина зимы. Дни светлеют! Во сне уж видишь траву и березовые сережки. Сердце похоже на птицу, готовую к полету.

В лютый мороз я объявил Гришке:

– Весна наступает!

А он мне ответил:

– Дать бы тебе по затылку за такие слова! Кака тут весна, ежели птица на лету мерзнет!

– Это последние морозы, – уверял я, дуя на оокоченевшие пальцы, – уже ветер веселее дует, да и лед на реке по ночам воеет... Это к весне!

Гришка не хочет верить, но по глазам вижу, что ему тоже любо от весенних слов.

Нищий Яков Гриб пил у нас чай. Подув на блюдечко, он сказал поникшим голосом:

– Бежит время... бежит... Завтра наступает Неделя о мытаре и фарисее. Готовьтесь к Великому Посту – редька и хрен, да книга Ефрем.

Все вздохнули, а я обрадовался. Великий Пост – это весна, ручьи, петушинные вскрики, желтое солнце на белых церквах и ледоход на реке.

За всенощной, после выноса Евангелия на середину церкви, впервые запели покаянную молитву:

Покаяния отверзи ми двери,
Жизнодавче,
Утреннеет бо дух мой
Ко храму Святому Твоему.

С Мытаревой Недели в доме начиналась подготовка к Великому Посту. Перед иконами затепляли лампаду, и она уже становилась неугасимой. По средам и пятницам ничего не ели мясного. Перед обедом и ужином молились «в землю». Мать становилась строже и как бы уходящей от земли. До прихода Великого Поста я спешил взять от зимы все ее благодатности, катался на санях, валялся в сугробах, сбивал палкой ледяные сосульки, становился на запятки извозчичьих санок, сосал льдинки, спускался в овраги и слушал снег.

Наступила другая седмица. Она называлась по-церковному – Неделя о Блудном сыне. За всенощной пели еще более горькую песню, чем «Покаяние», – «На реках Вавилонских».

В воскресенье пришел к нам погреться Яков Гриб. Присев к печке, он запел старинный стих «Плач Адама»:

Раю мой раю,
Пресветлый мой раю,
Ради мене сотворенный,
Ради Евы затворенный.

Стих этот заставил отца разговориться. Он стал вспоминать большие русские дороги, по которым ходили старцы-слепцы с поводьями. Прозывались они Божьими певунами. На

посохе у них изображались голубь, шестиконечный крест, а у иных – змея. Остановятся, бывало, перед окнами избы и запоют о смертном часе, о последней трубе Архангела, об Иосафе-царевиче, о вселении в пустыню. Мать свою бабушку вспомнила:

– Мастерица была петь духовные стихи! До того было уладно, что, слушая ее, душа лечилась от греха и помрачения!..

– Когда-то и я на ярмарках пел! – отозвался Яков, – пока голоса своего не пропил. Дело это выгодное и утешительное. Народ-то русский за благоговейность слов крестильный крест с себя сымет! Все дело забудет. Опустит, бывало, голову и слушает, а слезы-то по лицу так и катятся!.. Да, без Бога мы не можем, будь ты хоть самый что ни на есть чистокровный жулик и арестант!

– Теперь не те времена, – вздохнула мать, – старинный стих повыветрился! Все больше фабричное да граммофонное поют!

– Так-то оно так, – возразил Яков, – это верно, что старину редко поют, но попробуй запой вот теперь твоя бабушка про Алексия, человека Божия или там про антихриста, так расплачутся разбойники и востоскуют! Потому что это... русскую душу в этом стихе услышат... Прадеды да деды перед глазами встанут... Вся история из гробов восстанет!.. Да... От крови да от земли своей не убежишь. Она свое возьмет... кровь-то!

Вечером увидел я нежный бирюзовый лоскуток неба, и он показался мне знамением весны – она всегда, ранняя весна-то, бирюзовой бывает! Я сказал про это Гришке, и он опять выругался.

– Дам я тебе по затылку, курносая пятница! Надоел ты мне со своей весной хуже горькой редьки!

Наступила Неделя о Страшном Суде. Накануне поминали в церкви усопших сродников. Дома готовили кутью из зерен – в знак веры в воскресение из мертвых. В этот день Церковь поминала всех «от Адама до днесь усопших в благочестии и вере» и особенное моление воссылала за тех, «коих вода покрыла, от брани, пожара и землетрясения погибших, убийцами убитых, молнией попаленных, зверьми и гадами умерщвленных, от мороза замерзших...» И за тех «яже уби меч, конь совосхити, яже удави камень, или перст посыпа; яже убиша чаровныя напоения, отравы, удушения...»

В воскресенье читали за литургией Евангелие о Страшном Суде. Дни были страшными, похожими на ночные молнии или отдаленные раскаты грома.

Во мне боролись два чувства: страх перед грозным Судом Божиим, и радость от близкого наступления масленицы. Последнее чувство было так сильно и буйно, что я перекрестился и сказал:

– Прости, Господи, великие мои согрешения!

Масленица пришла в легкой метелице. На телеграфных столбах висели длинные багровые афиши. Почти целый час мы читали с Гришкой мудреные, но завлекательные слова:

«Кинематограф „Люмиер“. Живые движущиеся фотографии и кроме того блистательное представление малобариста геркулесного жонглера эквилибриста „Бруно фон Солерно“, престижистатора Мюльберга и магико спиритическ. вечер престижистатора, эффектиста, фантастического вечера эскамотажа, прозванного королем ловкости Мартина Лемберга».

От людей пахло блинами. Богатые пекли блины с понедельника, а бедные с четверга. Мать пекла блины с молитвою. Первый испеченный блин она положила на слуховое окно в память умерших родителей. Мать много рассказывала о деревенской масленице, и я очень жалел, почему родителям вздумалось перебраться в город. Там все было по-другому. В деревне масленичный понедельник назывался – встреча; вторник – заигрыши; среда – лакомка; четверг – перелом; пятница – тещины вечерки; суббота – золовкины посиделки; воскресенье – проводы и прощенный день. Масленицу называли также Боярыней, Царицей, Осударыней, Матушкой,

Гуленой, Красавой. Пели песни, вытканные из звезд, солнечных лучей, месяца-золотые рожки, из снега, из ржанных колосков.

В эти дни все веселились, и только одна Церковь скорбела в своих вечерних молитвах. Священник читал уже великопостную молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». Наступило Прощеное воскресенье. Днем ходили на кладбище прощаться с усопшими сродниками. В церкви, после вечерни, священник поклонился всему народу в ноги и попросил прощения. Перед отходом ко сну земно кланялись друг другу, обнимались и говорили: «Простите, Христа ради», и на это отвечали: «Бог простит». В этот день в деревне зорили пряжу, т. е. выставляли моток пряжи на утреннюю зарю, чтобы вся пряжа была чиста.

Снился мне грядущий Великий Пост, почему-то в образе преподобного Сергия Радонежского, идущего по снегу и опирающегося на черный игуменский посох.

«Торжество Православия»

Отец загадал мне мудреную загадку:

– «Стоит мост на семь верст. У конца моста стоит яблоня, она пустила цвет на весь Божий Свет».

Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий Пост и Пасха.

Первая неделя Поста шла к исходу. В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он так мне понравился, что я вместо одной ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне:

– Не многовато ли будет?

Я поперхнулся от смущения и закашлялся.

В эти богоспасенные дни (так еще называли Пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи?

Перелистал их лишь до Великой Субботы, а дальше уж не заглядывал – не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?

Отец, сидя за верстаком, пел великопостные слова:

Возсия благодать Твоя, Господи,
возсия просвещение душ наших;
отложим дела тьмы, и облечемся
во оружие света:
яко да преплывше Поста великую пучину.

Все чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное от мира собираемое» св. Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими как бисерным кошелечком, вышитым в женском монастыре, и подаренным мне матерью в день Ангела:

«Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их: так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.